

ОТЗЫВ
официального оппонента
на диссертацию Домшенко Евгении Игоревны
на тему «Личный фонд как правовая форма обособления имущества в
целях управления частным капиталом»,
представленную на соискание ученой степени
кандидата юридических наук по специальности
5.1.3 Частно-правовые (цивилистические) науки

Автор посвятил представленное к защите диссертационное исследование набирающей все большую актуальность теме имущественного обособления, достигаемого посредством конструкции личного фонда. Данный институт открывает для российского гражданского права и его доктрины ряд ранее столь остро не стоявших перед ними проблем, требующих всестороннего анализа и научной дискуссии, и автор фокусируется на центральной из них.

Сложность вопроса и значительное количество резко конфликтующих между собой интересов различных участников гражданского оборота, свойственные в целом любому имущественному обособлению, предопределяют и неизбежность дискуссии между исследователями соответствующей проблематики, взаимную критику различных подходов, что является необходимым и полезным этапом для развития российской цивилистической доктрины в этом направлении.

Решению поставленных перед автором научных задач способствует методологически удачное обращение к теории экранирования (теории обособления имущества), сформированной Г. Хансманном, Р. Краакманом и Р. Сквайером: рассмотрение проблем личного фонда через подобную призму обуславливает должную степень оригинальности и научной новизны проведенного диссертационного исследования.

В первой главе автор раскрывает основы теории имущественного обособления и проводит ознакомительный анализ его отдельных правовых форм, как в российском, так и в зарубежных правовых порядках. Во второй главе автор описывает предпосылки и историю развития российского института

личных фондов, соотносит личный фонд с функционально схожими правовыми формами в зарубежном праве. Глава завершается анализом вопроса применимости правил об обязательной доле в отношении института личного фонда. Особенно хочется выделить третью главу, в которой проводится структурированный анализ ключевых и актуальных гражданско-правовых проблем, связанных с управлением личным фондом и защитой прав кредиторов при обособлении имущества путем его передачи личному фонду.

Говоря о достоинствах диссертационного исследования, также необходимо выделить подробное рассмотрение проблематики защитного обособления применительно к личным фондам. Если следовать терминологии, введенной в научный оборот Г. Хансманном и Р. Краакманом, *защитное обособление (defensive asset partitioning)* выражается в недоступности имущества, находящегося в собственности учредителя, для взыскания по долгам личного фонда (т.е. возникшие в связи с управлением обособленным имуществом).

Оговорим, что степень остроты данного вопроса ниже, чем проблемы подтверждающего обособления в личном фонде. Это справедливо отмечает и сам автор¹. К тому же данная проблематика свойственна в целом конструкции юридического лица и не уникальна для рассматриваемого института². Тем не менее, проявленная гибкость законодателя в регулировании личных фондов не исключает возникновения и в этом вопросе дополнительных рисков для участников гражданского оборота.

В частности, автор обоснованно обращает внимание на сложности в вопросе наделения личного фонда имуществом: случаи непередачи в личный фонд минимального размера имущества, а также на возможное уменьшение размера имущества личного фонда по мере его деятельности³.

¹ С. 163 Диссертации: «по сравнению с кредиторами учредителя и выгодоприобретателя фонда кредиторы фонда находятся, на наш взгляд, в наиболее безопасном положении. Прежде всего, это связано с тем, что они всегда осведомлены, с кем именно вступают в правоотношения».

² С. 21-23 Диссертации.

³ С. 100-101 Диссертации.

Автор справедливо уточняет, что проблема может решаться общими нормами о юридических лицах (статьей 53.1 ГК РФ)⁴. Обоснован и сделанный вывод автора, включенный во второе положение, выносимое на защиту: «не должно существовать такой модели, которая бы обеспечивала сильное защитное обособление для имущества учредителя, если тот продолжает осуществлять контроль над обособленным активом, из управления которым проистекают кредиторские притязания»⁵.

Весьма убедительно изложен и обоснован тезис автора, что некоторые минимальные императивные требования к системе управления личным фондом, которые представляют собой определенное ограничение свободы учредителя в определении организационной структуры, чтобы учредитель «не сорвался в пропасть»⁶, являются не столько проявлением патернализма законодателя в отношении учредителя, сколько направлены на защиту третьих лиц, прежде всего – кредиторов личного фонда. В контексте сильной формы защитного обособления эта идея представляется довольно ценной, в целом она подкрепляет пятое положение, выносимое на защиту.

Другая проблематика, на которой останавливается автор в диссертации, касается вопроса применения правил об обязательной доле к личным фондам. Если следовать функциональному пониманию наследственного права как норм, регулирующих имущественные отношения при смене поколений, конструкция правосубъектного фонда с частно-полезными целями (в частности, личный фонд) является способом создания частного наследственного правопреемства, отличного от установленного законом, при котором члены органов и выгодоприобретатели фонда в функциональном отношении замещают позиции наследников⁷. Поэтому потенциально возникает конфликт между данными правовыми институтами в рамках единой

⁴ С. 165 Диссертации.

⁵ С. 93 Диссертации.

⁶ С. 127 Диссертации.

⁷ Dutta A. Warum Erbrecht? Das Vermögensrecht des Generationenwechsels in funktionaler Betrachtung. Tübingen: Mohr Siebeck, 2014. S. 21 ff., 30-31, 35-39.

системы гражданского права. Автор по результатам анализа приходит к выводу, что в российском праве нет достаточных догматических и политико-правовых оснований для применения правил об обязательной доли к сделке по учреждению личного фонда, в частности, как можно понять автора, вследствие «перевыполнения» в этом случае изначальной социальной функции обязательной доли, что нашло отражение в одиннадцатом положении, выносимом на защиту⁸.

Наконец, оппонент хотел бы отметить обоснованность десятого положения, выносимого на защиту, которое касается рисков для кредиторов, возникающих при дозволении передачи в личный фонд имущества третьими лицами в целях, ранее сформулированных учредителем личного фонда.

В дискуссионной части отзыва следует остановиться на одном методологическом и одном содержательном замечании к диссертации.

(1) Задействование опыта зарубежных правопорядков сопряжено с методологической сложностью, касающейся работы с источниками и полноты изложения релевантного сравнительно-правового материала. Подчеркнем, что задача эта в высшей степени трудоемкая, однако упущения в этом вопросе могут снизить пользу от сравнительно-правового компонента в проводимом исследовании. Укажем на следующие допущенные небольшие неточности:

(а) Исследуя американский опыт трастов, автор приводит релевантный прецедент, однако, на наш взгляд, переоценивает его значение с точки зрения современного состояния регулирования трастов. Автор указывает, что в деле *Jones v. Clifton*, 101 U.S. 225 (1879) Верховный суд США сформировал «общую правовую позицию» по поводу возможности кредиторов учредителя требовать обращения взыскания на имущество учредителя в трасте⁹.

⁸ С. 13-14, 113-120 Диссертации.

⁹ С. 154 Диссертации: «[суд] разъяснил, что право учредителя на отзыв имущества из траста не является имущественным. По этой причине имущество в трасте не может рассматриваться как имущество, принадлежащее учредителю траста на основании имущественного субъективного права. Как следствие, учредитель не отвечает этим имуществом перед кредиторами по личным обязательствам. Принудительная реализация субъективного права учредителя на отзыв имущества из траста недопустима».

Пусть автор и начинает изложение с тезиса, что при исследовании упомянутого вопроса имеет значение ряд факторов, в частности, фактор «является ли траст отзывным или безотзывным», в дальнейшем четкого сопоставления, как каждый из факторов влияет на упомянутую возможность оппонент не наблюдает. Позицию в приведенном судебном решении можно трактовать так, что сохранение учредителем за собой права на отзыв (*reservation of a power of revocation*) само по себе не давало основания для обращения личными кредиторами учредителя взыскания на переданное имущество¹⁰. Но дело в том, что развитие американского права на этом не остановилось.

Упомянутый подход, если опираться на американских авторов, действовал в отсутствие статутного предписания¹¹, при этом уже, как минимум, в середине XX века большинство статутов отдельных штатов устанавливали, что, «если учредитель сохранил за собой право на отзыв, то для кредиторов он будет считаться абсолютным собственником переданного имущества»; некоторые штаты следовали альтернативе, что в подобном случае право учредителя на отзыв (*power to revoke*) могло по требованию кредиторов быть реализовано в принудительном порядке в той же степени, в какой его мог бы осуществить учредитель¹².

Если обратиться к современному Uniform Trust Code¹³, в статье 505 (a)(1) устанавливается, что при жизни учредителя на имущество отзывного траста может быть обращено взыскание по требованиям кредиторов учредителя¹⁴. В

¹⁰ Jones v. Clifton, 101 U.S. 225 (1879) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/101/225/>

¹¹ С оговоркой: «of course, where the retention of a power to revoke plus other powers is so extensive as to render the trust illusory, doubtless the trust res would be deemed the property of the settlor, available to his creditor».

¹² James V. Heffernan and Laurens Williams, Revocable Trusts in Estate Planning, 44 Cornell L. Rev. 524 (1959). P. 529. Доступно по ссылке: URL: <http://scholarship.law.cornell.edu/clr/vol44/iss4/3>

¹³ Данный документ не является нормативным актом, он разработан Uniform Law Commission, экспертной организацией, для последующего принятия на его основе соответствующих статутов отдельных штатов с целью унификации регулирования трастов. Текст документа доступен по ссылке: URL: <https://www.uniformlaws.org/viewdocument/final-act-132?CommunityKey=193ff839-7955-4846-8f3c-ce74ac23938d&tab=librarydocuments>

¹⁴ «During the lifetime of the settlor, the property of a revocable trust is subject to claims of the settlor's creditors».

комментарии делается отсылка к section 25 Restatement (Third) of Trusts¹⁵, а также оговаривается, что такие требования, напротив, не допускались по общему праву (*common law*)¹⁶, что вполне логично, тем более что траст в принципе является творением *equity*, а не *common law*.

Собственно, именно этот подход (который, как представляется, в большей степени может претендовать на статус «общей правовой позиции» с оговоркой, что об «общем подходе» для американских трастов можно говорить с некоторой долей условности, ведь они регулируются на уровне штатов) приводит автор на примере штата Нью-Йорк¹⁷, где установлена норма, что, если учредитель сохраняет безусловное право на отзыв («*power of revocation*»), он признается полноправным собственником переданного имущества в той мере, в какой это касается прав его кредиторов¹⁸.

Таким образом, вопрос последствий сохранения за учредителем права на отзыв претерпел определенное развитие, и для анализа соответствующего регулирования в американском правопорядке следует не ограничиваться отдельно взятым судебным решением и законом штата Нью-Йорк, а, как минимум, обратиться к доктринальной литературе и актуальным «кодификациям», предварительно определив необходимый и достаточный круг источников, для должного решения задач в рамках сравнительно-правового компонента исследования, в том числе объяснения причин и логики того или иного зарубежного подхода.

Оппонент намеренно не приводит это замечание в разделе содержательных комментариев, поскольку данная конкретная отсылка к зарубежному опыту, как видит оппонент, не легла в основу аргументации и

¹⁵ Презюмируем, что более полный *доктринальный* комментарий к поднятому вопросу можно получить в этом документе, однако, к сожалению, на момент написания отзыва у оппонента к нему нет доступа.

¹⁶ Uniform Law Commission, *Uniform Trust Code: with Prefatory Note and Comments* (2023), comment to § 505. P. 91 // URL: <https://www.uniformlaws.org/viewdocument/final-act-132?CommunityKey=193ff839-7955-4846-8f3c-ce74ac23938d&tab=librarydocuments>

¹⁷ С. 154-155 Диссертации.

¹⁸ «Where a creator reserves an unqualified power of revocation, he remains the absolute owner of the property disposed of so far as the rights of his creditors or purchasers are concerned», см.: N. Y. Estates, Powers and Trusts Law, § 10-10.6 // URL: <https://law.justia.com/codes/new-york/2021/ept/article-10/part-10/10-10-6>.

сделанных автором выводов. Тем более, оппонент не ставит в отзыве целью исчерпывающе изложить поднятый вопрос (в том числе гипотетические решения его в рамках *equity*). Замечание сделано с точки зрения методологии сравнительно-правового исследования: вопроса подбора источников и цели задеирования данного метода.

(б) Смежное замечание оппонент хотел бы сделать относительно полноты изложения зарубежного опыта в отдельных случаях. Следует оговорить, что автор в целом добросовестно погружается в опыт иностранного регулирования, однако иногда допускает некоторые пробелы. Так, в рамках проблематики *spendthrift trust*, для полноты изложения целесообразно было бы детальной описать признаки данного «типа» траста, в том числе его цели создания. Не лишним представляется обратить внимание, что *spendthrift-protection* не действует в отношении учредителя-бенефициара¹⁹.

(в) Наконец, следует сделать замечание к отдельно встречающимся случаям чрезмерной генерализации зарубежного опыта. Так, автор, со ссылкой на оппонента, допуская неточность в передаче изложенного последним иностранного опыта, указывает: «в европейских странах правило о неотчуждаемости прав дестинаторов частных фондов, напротив, является общим»²⁰. В точечных аспектах регулирования фондов, тем более частных фондов, европейские правовые порядки желательно разделять, поскольку общий подход часто не наблюдается даже на уровне доктрины отдельного правового порядка.

(2) Касательно оппонирования по содержанию работы и отстаиваемой в работе позиции автора, оппонент хотел бы сосредоточиться только на одном вопросе, а именно – проблеме подтверждающего обособления в личных фондах по российскому праву. Следуя терминологии Г. Хансмана и

¹⁹ В комментарии к Subsection (a)(2) § 505 UTC читаем: «Under the Code, whether the trust contains a spendthrift provision or not, a creditor of the settlor may reach the maximum amount that the trustee could have paid to the settlor-beneficiary. If the trustee has discretion to distribute the entire income and principal to the settlor, the effect of this subsection is to place the settlor's creditors in the same position as if the trust had not been created». // Uniform Law Commission, *Uniform Trust Code: with Prefatory Note and Comments* (2023), comment to § 505. P. 91.

²⁰ С. 168 Диссертации.

Р. Краакмана, под *подтверждающим обособлением* (*affirmative asset partitioning*) в личном фонде понимается недоступность переданного в него имущества для личных кредиторов учредителя, а также – что можно назвать сопряженной проблемой – для кредиторов выгодоприобретателей. При этом в российском праве представлена сильная форма такого имущественного обособления, при которой невозможно обратить взыскание и на права учредителя/выгодоприобретателей личного фонда.

Сомнение относительно дозволения правопорядком такой формы подтверждающего обособления возникает, как минимум, в том случае, когда учредитель сохраняет *господство (контроль)* над обособленным имуществом и *своей волей* может в конечном счете изменить юридическую судьбу данного имущества. Оппонент усматривает подобную степень господства (контроля) учредителя в личном фонде в возможности учредителя дискреционно изменить устав фонда (включая цели) и условия управления им, переназначить выгодоприобретателей, немотивированно прекращать полномочия членов органов (в настоящее время часть этих прав может быть ограничена самим же учредителем, но сути дела это не меняет). При этом учредитель вполне сохраняет *интерес* в отношении имущества, поскольку может быть выгодоприобретателем личного фонда (как изначально, так и назначив себя впоследствии, а также при ликвидации личного фонда). Это приводит к тому, что личный фонд становится *alter ego* учредителя, имущество которого *лишь формально* ему не принадлежит и по этой одной причине недостижимо для его личных кредиторов, что вызывает дисбаланс интересов в гражданском обороте в целом и, в частности, нарушает принцип ответственности лица по своим долгам своим имуществом.

Автор диссертации саму проблему сильной формы подтверждающего обособления при сохранении за учредителем контроля над имуществом признает и также, как можно понять, придерживается недозволения подобной конструкции. Это подтверждает ряд ценных и совершенно справедливых высказываний автора, прежде всего четвертое положение, выносимое на

защиту²¹. Вместе с тем у оппонента сложилось впечатление, будто ход мысли в этих высказываниях иногда обрывается на полуслове²².

Так, представляется, что некоторым тезисам автора не хватает конкретики: например, где четкая грань между дозволенным контролем учредителя и злоупотреблением, которое приведет к «стиранию экрана», существуют ли критерии и ориентиры? За пределами данной грани, как можно понять из четвертого положения, выносимого на защиту, автор видит изменение условий управления «без весомых на то причин», т.е. свободное и дискреционное. Но будет ли весомой причиной для изменения условий управления и назначения учредителя выгодоприобретателем недавнее признание его банкротом (с завершением всех соответствующих процедур)? Также, добавим, согласно автору за рамки дозволенного контроля выходит занятие учредителем должностей в органах личного фонда²³.

²¹ А также следующие высказывания, встречающиеся в тексте диссертации:

«исключение непосредственного интереса и контроля в отношении актива позволяет, как минимум, разорвать видимое правоотношение собственности. <...> Отсюда проистекает «экранированность» обособленного имущества от личных (не связанных с этим имуществом) кредиторов, перед которыми учредитель обособления отвечает только своим имуществом» (с. 51);

«полная автономность личного фонда от учредителя и полный операционный контроль учредителя над фондом представляют собой оппозиционные точки, между которыми учредитель балансирует с целью предотвратить агентскую проблему, с одной стороны, и не лишить обособленности имущества фонда – с другой» (с. 89);

«представляется, что при обособлении имущества с передачей его в личный фонд не будут эффективными стратегии, которые расширяют возможности принципала. Во-первых, наделение принципала дополнительными контрольными полномочиями приведет к дисбалансу системы сдержек и противовесов – если учредитель фонда контролирует деятельность лиц, входящих в органы управления фонда, и имеет механизмы воздействия на их поведение, существует вероятность, что такой учредитель может действовать в собственных целях, но не целях обособления» (с. 131);

«степень вовлеченности экономического собственника в управление влияет на степень обособленности имущества» (с. 147).

²² Например, на странице 93 Диссертации читаем: «Должник отвечает по принятым на себя обязательствам всем своим имуществом. Причем в аспекте юридической ответственности под своим понимается не только то, что принадлежит лицу юридически, но и то, над чем лицо фактически осуществляет контроль, не имеющий под собой какой-либо самостоятельной каузы».

Однако в следующем предложении автор переходит к защитному обособлению: «не должно существовать такой модели, которая бы обеспечивала сильное защитное обособление для имущества учредителя, если тот продолжает осуществлять контроль над обособленным активом, из управления которым проистекают кредиторские притязания».

²³ С. 145 Диссертации: «учредитель не может быть единоличным исполнительным органом или членом коллегиального органа личного фонда. В противном случае будет нарушена автономия фонда как управляющего от экономического собственника (на благо которого осуществляется управление), а функция управления сольется с собственностью в экономическом смысле».

Автор приводит также три «балансира», направленные на преодоление поднятой проблемы сильной формы подтверждающего обособления.

(а) Первый – публичность обособления. Автор указывает, что в случаях, когда собственник сделал публичным факт обособления части своего имущества (например, отметил в публичном реестре, известил кредиторов, опубликовал информацию в средстве массовой информации и т. д.)²⁴, все лица, вступающие с ним в отношения, осведомлены о возможных рисках и могут потребовать от него предоставления дополнительных гарантий (обеспечения)²⁵, и делает следующий вывод во втором положении выносимом на защиту: «степень «экранированности» обособленного имущества от требований кредиторов, не связанных с этим имуществом, должна различаться в зависимости от степени публичности и доступности информации о факте обособления».

Данный тезис, по мнению оппонента, является довольно дискуссионным. Опустим чисто техническую сторону вопроса и выскажем три контраргумента.

Во-первых, представляется, что инструменты управления благосостоянием должны обеспечивать определенную степень конфиденциальности от общественности. В конце концов, «деньги любят тишину». Публичность факта создания *конкретным учредителем* такой конструкции для неограниченного круга лиц едва ли распространена и в зарубежных правовых порядках – можно лишь предложить автору подкрепить предложенный балансир *конкретными* примерами.

Во-вторых, возлагать на контрагентов потенциально любого физического лица обязанность проверять в рамках доктрины разумной осмотрительности наличие у последнего личного фонда выглядит неочевидной. Получается не совсем справедливое распределение: выгоды от конструкции личного фонда получают одни лица, а транзакционные издержки проверки контрагента несут другие. Более того, точно ли они будут находиться в переговорной позиции,

²⁴ С. 103 Диссертации.

²⁵ С. 148 Диссертации.

чтобы требовать дополнительного обеспечения по сделке? Не будет ли здесь просто своего рода подразумеваемого соглашения об ограничении ответственности – и как тогда быть с ответственностью, которая по закону не может быть ограничена соглашением сторон?

В-третьих, к «недобровольным кредиторам» (прежде всего – из деликтных обязательств) учредителя личного фонда данный балансир просто полностью неприменим. Автор обращает внимание на данную проблему, оговаривает, что «обеспечение интересов таких недобровольных кредиторов в принципе представляет значительную проблему для корпоративного права», правда, в определенный момент почему-то переключается на проблематику защитного обособления (что методологически, конечно, не желательно, коль скоро изначальный фокус в этом вопросе идет на подтверждающее обособление)²⁶. В конечном счете, как видит оппонент, автор устранился от решения данной гражданско-правовой проблемы и просто констатирует факт, что недобровольные кредиторы учредителя не могут получить удовлетворения из имущества личного фонда, потому что «так проявляется подтверждающее обособление»²⁷. Вопрос, а может ли правопорядок допускать лишний раз такую ситуацию, остается открытым. Да, проблема восстановления нарушенных прав «недобровольных кредиторов» является сама по себе вызовом для правопорядка. Однако конструкция личного фонда здесь лишь «подливает масло в огонь» и открывает возможность для вопиюще несправедливой ситуации, когда учредитель личного фонда *лишь формально* не будет обладать необходимым имуществом для возмещения вреда, причиненного совершенным им деликтом.

(б) Вторым балансиром выступает субсидиарная ответственность личного фонда по личным долгам учредителя. Здесь лишь заметим, что, когда такой балансир ограничивается во времени (как согласно действующему

²⁶ С. 150-151 Диссертации.

²⁷ С. 152 Диссертации.

законодательству), его эффективность в той же мере снижается. Однако он может иметь потенциал при более тонкой настройке.

(в) Третьим балансиrom автор справедливо отметил оспаривание сделки учреждения личного фонда как мнимой. Данный подход известен зарубежным правовым порядкам, правда, иногда основанием для такого признания является широкий объем прав учредителя в отношении обособленной конструкции, который по российскому праву в настоящее время и дозволен. Оппонент рад подчеркнуть, что в контексте третьего балансира автор поднимает значимые проблемы и находит для них убедительные решения²⁸ (в частности, судьбы сделок, уже совершенных личным фондом, в случае признания мнимой сделки по его созданию).

Наконец, неоднозначным выглядит еще один прозвучавший в работе аргумент: «С политико-правовой точки зрения работающий бизнес для множества лиц (прежде всего работников и его контрагентов), государства и общества в целом важнее удовлетворения пусть и вполне легитимных требований некой группы кредиторов получателя доходов (выгодоприобретателя) от деятельности этого бизнеса, но никак не управляющего таким бизнесом и не являющегося его собственником»²⁹.

Здесь видится некоторое отступление от принципа равенства участников гражданского оборота: в конфликте учредителей и кредиторов, первые выглядят безусловными протагонистами, вторые — антагонистами. Легитимные требования кредиторов будто игнорируются и приносятся в жертву ради сохранения единства некоего «работающего бизнеса», но ведь кредиторы и сами могут иметь свой бизнес со своими работниками и контрагентами — и все это может быть поставлено под угрозу в результате невозврата долга. Чем бизнес, переданный в личный фонд, лучше бизнеса, не задействовавшего эту конструкцию? С другой стороны, если форма личного фонда получит такое распространение, что в него будет «упаковываться»

²⁸ В частности, вывод 4 на странице 175 Диссертации.

²⁹ С. 168 Диссертации.

всякий работающий бизнес и самые ликвидные активы (как в «сейфы»), то это также может привести к не самой благоприятной картине для гражданского оборота в целом: все-таки защита кредиторов принципиально основана на предположении, что должник заботится о своей платежеспособности *в своих интересах*. Риски потери некоторого имущества, в том числе бизнеса, здесь не нивелируются, а просто *перераспределяются*.

Приведенные в отзыве замечания и соображения не влияют на общую положительную оценку проведенного диссертационного исследования. Автором были предложены в работе новые, оригинальные и ценные потенциальные решения и идеи, которые, пусть и неизбежно являются дискуссионными, тем не менее, делают важный шаг в сторону нахождения приемлемых, справедливых решений. Диссертационная работа Е.И. Домшенко на тему: «Личный фонд как правовая форма обособления имущества в целях управления частным капиталом» на соискание ученой степени кандидата юридических наук является научно-квалификационной работой, в которой предлагается решение научной задачи обеспечения баланса интересов участников гражданского оборота в контексте обособления имущества посредством конструкции личного фонда.

Содержание представленной к защите работы отражено в автореферате, опубликованных научных статьях и монографии автора. Большинство научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, достоверны и новы, а также обосновываются автором в должной мере в тексте работы. Нет никаких сомнений в самостоятельности проведенного исследования.

Диссертация обладает необходимым внутренним единством и содержит научные результаты и положения, выносимые на публичную защиту, которые свидетельствуют о личном вкладе Е.И. Домшенко в науку российского гражданского права.

Диссертация отвечает требованиям, установленным Положением о присуждении ученых степеней, утвержденным постановлением

Правительства Российской Федерации от 21 сентября 2013 г. № 842, к работам подобного рода.

Таким образом, соискатель Евгения Игоревна Домшенко заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.3 «Частно-правовые (цивилистические) науки».

Официальный оппонент:

кандидат юридических наук

Заикин Дмитрий Павлович

4 декабря 2025 года

Контактные данные:

Тел.: + [redacted] 1

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:
(12.00.03. – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право)

Signed (or sealed) this day in my presence
by Dmitry Zaikin

As the Certifying Officer, I certify only the signature which appears on
document and assume no responsibility for the content of this document.
In testimony whereof I have hereto set my hand and official seal
this 4 day of December 2025

ANDREAS KENTIS

Certifying Officer, Nicosia - Cyprus

The undersigned ANDREAS KENTIS
with seal no. 1218 is an appointed certifying officer in Cyprus,
by virtue of Law 165(I)/2012 / is a Community Head acting as a certifying
officer by virtue of Law 165(I)/2012 and Law 88(I)/1999.

Date 04 DEC 2025
Community Head / For District Officer
Certifying Officer

SOULLA TZIONI

DISCLAIMER. THIS DOCUMENT, UPON WHICH I PLACE MY SEAL AS THE DISTRICT OFFICER,
IS A PRIVATE DOCUMENT. As a District Officer, I hereby ONLY certify, for the purposes of
Article 1(d) of the Convention Abolishing the Requirement of Legalization of Foreign
Public Documents (Law 50/72), the active capacity of the above Community Head/Certifying
Officer to certify signatures and/or seals/stamps. This certification and the seal of the
Republic of Cyprus affixed by me does not affirm the legality of the content of this
PRIVATE document, nor to the capacity of the signatory parties.

APOSTILLE

(Convention de La Haye du 5 octobre 1961)

1. Country: Cyprus

This public document

2. has been signed by Theognosia (Soulla) Tzioni

3. acting in the capacity for District Officer

4. bears the seal/stamp of District Administration of Nicosia, Ministry of Interior

Certified

5. at APOSTILLE - MIPO

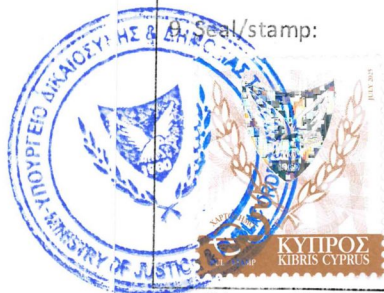
6. the 04/12/2025

7. by Maria Kalli

8. No NIC MIPO-NIC 001050810/2025

9. Seal/stamp:

10. Signature:

For Permanent Secretary
Ministry of Justice and Public Order

79477076

Note: This apostille only certifies the signature, the capacity of the signer and the seal or stamp it bears. It
does not certify the content of the document for which it was issued (Article 2 of the Hague Convention 1961).

Стр. 14

/Штамп/: Подписано (или скреплено печатью) сегодня в моем присутствии Дмитрием Заикиным. В качестве должностного лица с правом удостоверения документов я свидетельствую исключительно подлинность подписи, скрепляющей настоящий документ, и не несу ответственности за его содержание. В удостоверение вышеизложенного я скрепил настоящий документ своей подписью и должностной печатью сегодня, **4 декабря 2025 г.**

АНДРЕАС КЕНТИС

Должностное лицо с правом удостоверения документов, Никосия-Кипр
/подпись/

/Печать/: Должностное лицо с правом удостоверения документов * FcYBv9n * Андреас Кентис * /подпись/ * Дата:
04.12.2025 г. * 5 евро

/марка гербового сбора достоинством 2 евро/

Оборот стр. 14

/Печать/: Должностное лицо администрации округа Никосия
/марка гербового сбора достоинством 2 евро/

/Штамп/: Нижеподписавшийся Андреас Кентис является должностным лицом с правом удостоверения документов на Кипре с номером печати **FcYBv9n** в силу Закона 165(I) 2012 г. / является главой общины, действующим в качестве должностного лица с правом удостоверения документов в силу Закона 165(I) 2012 г. и Закона 86 (I) 1999 г.

/подпись/

Должностное лицо

с правом удостоверения документов /
Глава общины

/подпись/

От имени Должностного лица

администрации округа

Дата: **/Штамп/:** 04 декабря 2025 г. **/Штамп/:** СУЛЛА ДЗИОНИ

/Штамп/: ОГОВОРКА: ДАННЫЙ ДОКУМЕНТ, НА КОТОРОМ Я ПРОСТАВЛЯЮ СВОИ ПОДПИСЬ И ПЕЧАТЬ В КАЧЕСТВЕ ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА АДМИНИСТРАЦИИ ОКРУГА, ЯВЛЯЕТСЯ ЧАСТНОПРАВОВЫМ ДОКУМЕНТОМ. Будучи должностным лицом администрации округа, в целях Статьи 1 (d) Конвенции, отменяющей требование легализации иностранных официальных документов (Закон 50/72) я настоящим удостоверяю ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО действительность полномочий вышеуказанного главы общины/должностного лица с правом удостоверения документов для свидетельствования подлинности подписей и/или печатей/штампов. Данная удостоверительная надпись и оттиск печати Республики Кипр, проставленный мною, не подтверждают законность содержания данного ЧАСТНОПРАВОВОГО документа, либо полномочия лиц, подписавших его.

APOSTILLE

АПОСТИЛЬ

(Convention de la Haye du 5 octobre 1961)

(Гаагская конвенция от 5 октября 1961 г.)

1. Страна: КИПР
Настоящий официальный документ
2. подписал (а) Теогносия (Сулла) Дзиони
3. выступающий (ая) в качестве должностного лица администрации округа
4. скреплен печатью/штампом администрации округа Никосия Министерства внутренних дел

УДОСТОВЕРЕНО

5. в Отделе апостилирования 6. 04.12.2025 г.
Министерства юстиции и общественного порядка
7. Марией Калли (Maria Kalli)
8. за № Министерства юстиции и общественного порядка, Никосия (NIC MJPO) NIC 001050810/2025
9. Печать/штамп: /Оттиск печати Министерства юстиции и общественного порядка/ 10. Подпись: /подпись/

/марка гербового сбора достоинством 5 евро/

От имени Постоянного секретаря
Министерства юстиции и
общественного порядка
79477076

Примечание. Настоящий апостиль удостоверяет только подлинность подписи и должность лица, которое подписало настоящий документ, а также подлинность печати или штампа, которой или которым он скреплен. Апостиль не удостоверяет содержания документа, для которого он был выпущен. (Статья 2 Гаагской конвенции от 1961 года).

Стр. 15-27

/текст на английском языке, идентичный по содержанию тексту на русском языке на стр. 1-14/

Текст данного документа с английского языка на русский язык переведён переводчиком Шереметовой Яной Олеговной

Шереметова Яна Олеговна

Российская Федерация

Город Москва

Девятого декабря две тысячи двадцать пятого года

Я, Захарова Вероника Игоревна, временно исполняющая обязанности нотариуса города Москвы Лексаковой Екатерины Олеговны, свидетельствую подлинность подписи переводчика Шереметовой Яны Олеговны.

Подпись сделана в моем присутствии.

Личность подписавшего документ установлена.

Зарегистрировано в реестре: № 77/805-н/77-2025-12-1779.

Уплачено за совершение нотариального действия: 400 руб. 00 коп.

В.И.

В.И. Захарова

Всего прошнуровано, пронумеровано и
скреплено печатью

— 28 — листов

ВРИО нотариуса

В.И.